

ИДЕИ РЕЛИГИОЗНОГО И ПОЛИТИКО-ПРАВОВОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ В БЕЛАРУСИ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ

В.В. Старостенко

Могилевский государственный университет им. А.А.Кулешова, г. Могилев

Одним из важнейших этапов становления национальной культуры и самосознания белорусского народа было XVI столетие – эпоха отечественного Возрождения и Реформации, которая обусловлена развитием городов, раннебуржуазных элементов в экономике, формированием основ интегрированной белорусско-украинско-литовской государственности, развитием национального языка и литературы, нового, христианско-гуманистического мировоззрения.

Достоянием национального самосознания в эпоху Возрождения и Реформации стали идеи веротерпимости, интеллектуального плюрализма, политического суверенитета, верховенства закона, прав человека. С большей или меньшей определённой многие из них были выражены уже в творчестве Франциска Скорины [10, с. 118-126]. Разрабатываемая мыслителями-гуманистами концепция религиозной свободы имела особое значение для сложного в этно-конфессиональном отношении государства. Философия толерантности, уважения к иному являлась неотъемлемым атрибутом гуманистической этики Скорины, что позволило некоторым исследователям усматривать в его творчестве зародыш традиций раннего экуменического движения. Поэтизируя миролюбивый характер белорусов, Н. Гусовский также выступал против таких порядков, когда другой народ “топит в крови иноверцев, сжигает селеня”, когда “вера велит ненавидеть другого” [1, с. 65]. Отстаивая право человека на свободное религиозное самоопределение, Стефан Зизаний писал в “Казанни Святого Кирилла Патриарха Иерусалимского”: “Не только до ереси отщепенства, але и до широе веры през квалт и войну абы жадного не притягали” [3, с.34].

Существенную роль в становлении идеологии религиозной свободы сыграло реформационное движение. Некоторые деятели протестантизма как представители новой конфессиональной культуры особенно ясно осознавали важность и необходимость ситуации веротерпимости. Мартин Чеховиц был убеждён, что “никто никого не должен принуждать к своей вере”, а “каждый, кто исповедует свою веру, должен пользоваться широкой свободой” [19, с. 480]. Общенациональные интересы для протестанта В. Тяпинского были выше религиозных разногласий. Уважительно относясь к православию и принятому в “греческой” церкви церковнославянскому языку, он издал Евангелие “двема езыка зараз, и словенским и при нем тут то руским, а то найбільший словенским, , яко они вси (православные. – В.С.) везде во всех церквах чтут и маюг” для “лепшое их вери” и “их самих пвичения” [4, с. 88]. Отстаивая и пропагандируя идеи Реформации, критикуя традиционные христианские конфессии за отступление от евангельских истин [13, с. 27], С. Будный в то же время призывал не конфликтовать из-за веры. “Не дай Боже, чтобы воевать за веру, – писал он в книге “О главнейших положениях христианской веры”, – это обычай безбожных людей” [цит. по: 15, с.117]. Он глубоко возмущался по поводу возобладания в среде швейцарских кальвинистов

религиозной нетерпимости, что выразилось в подстрекательстве женевских властей к казни Мигеля Сервета [4, с. 69]. Воспитанная в духе религиозной терпимости часть польской, белорусской и украинской, прежде всего протестантской, шляхты отрицательно отнеслась к избраннику на трон Речи Посполитой непримиримого католика Генриха Анжуйского, причастного к известным событиям 24 августа 1572 г. в Париже (Варфоломеевской ночи). С. Будный издал в переводе на польский язык в Лоске книгу Фриза "О фуриях, или о шаленствах французских", где описывалась расправа над протестантами-гугенотами [15, с. 42]. Обращает на себя внимание недоброжелательное отношение к Генриху Валуа, продемонстрированное белорусско-литовским летописанием. По сообщению Хроники Литовской и Жмойтской, как только к недавно избранному монарху "новина пришла о смерти короля (Франции. - В.С.), уехал потаёмно в ночи з замку Краковского" [11; с.117]. По версии М. Кояловича, "Варфоломеевская резня во Франции взволновала в Литве умы всех разноверцев" и заставила Генриха, встревоженного этими волнениями, отказаться от польского престола [5, с. 38].

Веротерпимостью отличались взгляды Михалона Литвина, автора трактата "О нравах татар, литовцев и москвитян". Он стремился без конфессиональной предвзятости оценить всё то позитивное, что есть в культуре и традициях разных народов, даже тех, которые нередко выступали военными противниками "литвы". Так, Литвин признаёт "дельность", "воздержанье", "храбрость" москвитян и татар, одобительно отзываясь об их нравственном облике, обращает внимание на справедливость их судопроизводства [6, с. 27, 33, 37, др.]. В "Пяти письмах против Скарги" и других сочинениях Андрей Волян выступал с осуждением религиозных войн, доказывал, что люди "вольны поступать так, как им подсказывает совесть", что свобода является врождённым свойством человеческой природы [16, с. 59-63].

Одним из наиболее существенных достижений белорусской общественно-философской, политической и правовой мысли стало закрепление идей веротерпимости в законодательстве - великокняжеских и королевских грамотах 1563 и 1568 гг., Статутах ВКЛ 1529, 1566 и 1588 гг., других юридических актах, а также решениях Варшавской конфедерации 1573 г. Для "союзу между подданными различной веры, для сохранения общаго покоя, взаимным согласием учиненному", "никому в собственной религии, обрядах, Богочтении, правах и вольностях нарушения не причинить" требовал указ Стефана Батория от 18 мая 1585 г. [2, с. 42]. В предисловии к Статуту 1588 г. канцлер Лев Сапега, обращаясь ко "всім вобец станом Великого князства Литовского", провозгласил принцип свободы высшей ценностью [17, с. 47].

Отличную от ренессансно-гуманистической позицию занимали идеологи Контрреформации, отстаивавшие идею превосходства католицизма над прочими вероисповеданиями. "Где нет согласия на почве веры и божьих дел, - утверждал Петр Скарга, - там его не может быть и в делах светских и политике" [20, с. 312; 8, с. 84]. В работе "Процесс против конфедерации" он выступил против Варшавского акта 1573 г., называя его "диким, адским, волчьим, тиранским правом" [16, с. 109]. Духом религиозной нетерпимости проникнуто наиболее известное сочинение Скарги "О единстве церкви Божьей", о котором приверженцы Реформации говорили, что "оно пахнет кровью" [7, с. 53; 8, с. 84]. Многие идеи Скарги, в том числе его нетерпимое отношение к иноверцам, были воспри-

няты деятелями белорусско-украинского униатства, что высветила полемическая публицистика конца XVI – начала XVII вв. Борьба за религиозную свободу стала одной из важнейших составляющих процесса становления национального сознания белорусов и украинцев XVII столетия.

Идея свободы и связанное с ней учение о правовом государстве получили развитие в творчестве А. Волана (“О политической, или гражданской свободе”, “О счастливой жизни, или о наивысшем человеческом благе”, “О государе и его личных добродетелях” и др.), письме Л. Сапеги к полоцкому униатскому архиепископу И. Кунцевичу. Следует отметить, что ренессансно-гуманистическое понятие свободы наряду со свободой вероисповедания предполагало относительное равенство перед существующим законом, неприкосновенность жизни и имущества. Необходимым условием существования общества признавалось юридическое закрепление прав и обязанностей сословий, решение спорных вопросов в судебном порядке, уважительное отношение к праву и его безусловное соблюдение [9; 10; 16]. Сфера закона, полагали мыслители-гуманисты, должна распространяться на все сословия общества, в том числе на верховную власть. Монархия, по мнению А. Волана, должна “править народом с помощью законов”. Закон – “властитель граждан и короля”, а король “должен быть ничем иным, как говорящим законом” [цит. по: 9, с. 222]. Странником конституционной монархии являлся и Л. Сапега. В предисловии к Статуту ВКЛ им было заявлено: “...то есть наша вольность, которую се мы меж иными народы християнскими хвалим же пана, икбы водле воли своее, а не водле прав наших пановал, над собою не маем, а яко славы учтивое, так живота и маетности волно уживаем.” “Сам господар пан наш, – пояснял канцлер далее, – жадное звирхности над нами заживати не может, одно только, колько ему право допускаеть” [17, с. 47].

Заключение в 1569 г. Люблинской унии стимулировало в белорусско-литовском обществе рост патриотических чувств, обострило политическое и национальное самосознание народа, усилило антипольские настроения, что получило отражение во многих памятниках общественно-философской мысли. Оршанский староста Филон Кмита-Чернобыльский писал подканцлеру Остафею Волловичу: “Ино некоторые мовят: “Не дай Бог ляху быть! Вырежет Литву, а Русь поготову”. Давно резать почали литвина... Больши будет жычливый народу польскому, нижели своему!...” [12, с. 87]. Не менее категоричен был автор политического памфлета “Речь Мелешки”: “Проч Жижмонта короля (уния была заключена при Сигизмунде Августе. – В. С.)! Того нечего и в люди личити, бо Подляше и Вольнь наш вытратив, ляхом менечися”. В то же время восхваляется Сигизмунд I, который “немцев, як собак, не любил и ляхов з их хитростю велми не любил, а Литву и Русь нашу любительно миловал” [18, с. 358]. Влияние “ляхов”, которые “до нас влезли противко праву нашему”, приводит, по мнению автора “Речи Мелешки”, к распространению чуждых белорусам традиций и обычаев, отказу от милой сердцу старины: “вина венгерского не заживали перед тым. Малмазипо скромно гивали, медок и горилочку дубали, але гроши под достатком мевали”. Союз с Польшей также пагубно сказался на обороноспособности страны: “Муры силные муровали и войну славную крепко и лучшей держали как тепер” [18, с. 360]. Язвительную характеристику автор дает “родным баламутам”, которые при польском короле “сидят да крутят”. “Много тутако таких ест, што хоть наша

костка, однако собачим мясом обросла и воняет!.. А коли б такого беса кулаком в морду! Забыв бы други мутити” [18, с.359].

Антипольские мотивы прослеживаются и в белорусско-литовском летописании, в частности в датируемой серединой XVI века “Хронике Быховца”. “Литвинский” патриотизм отмечен летописцем в рассказе о “братании” польских и “литовских” феодалов. На предложение Ягайлы взять у поляков их гербы “паны литовские”, по версии автора, ответили: “мы шляхта старинная, римская, и... не нуждаемся в новых чужих гербах, но придерживаемся старых, которые нам оставили наши предки”. Витовту с трудом удалось уговорить своих подданных согласиться с предложением польского короля. Мотивировал он это следующим образом: “чтобы враждебными отношениями не помешать получить ему корону”. После чего, убеждал он белорусскую и литовскую шляхту, можно будет “отослать их грамоты обратно, и гербы их отбросить, а свои старые опять взять”.

Стараниями патриотически настроенных белорусских феодалов, в частности Остафея Воловича, Яна и Александра Ходкевичей, Льва Сапег и др. в 70 – 80-е гг. удалось частично восстановить политический суверенитет ВКЛ. Наиболее значительным событием стало принятие подготовленного при непосредственном участии Л. Сапег Статута 1588 г. Великое княжество предстаёт в этом документе, вопреки Люблинской унии, суверенным государством с собственным законодательством, своей территорией, центральным административным аппаратом, войском и финансами, государственным белорусским (“русским”) языком. Запрещалось назначать на должности и наделять землёй иностранцев, действовали белорусско-литовские сеймы, Главный Литовский Трибунал (1581). Всё это свидетельствует о том, что в сознании политической элиты ВКЛ возобладала идея федеративного союза, а не унитарного государства. В этой связи является показательным включение в состав Статута ВКЛ 1588 г. эпиграммы Андрея Рымши на герб Сапег, в которой канцлер прославляется как патриот, защитник родной земли, делу которого “весь мир свидетель” [17, с. 350]. В этом же духе выдержана и эпиграмма 1609 года, принадлежащая Льву Мамоничу. Знатность, считает автор, приводит к вечной славе лишь в соединении с деятельностью, направленной на служение Отечеству: “Где статечность во всяких для Отчизны трудах, там Бог благословляет, там слава значная...” [14, дадатак, с.213].

Литература:

1. Антология педагогической мысли Белорусской ССР / Сост. Э.К.Дорошевич и др. – М.: Педагогика, 1986.
2. Белорусский архив древних грамот. – М.: Тип. С.Селивановского, 1824. – Ч. 1.
3. Зизаний С. Казанне святого Кирилла патриархи Иерусалимского о антихристе и знаках его, з расширением науки против ересей разных. – Вильна: Тип. братства Св. Духа, 1596.
4. Из истории философской и общественно-политической мысли Белоруссии: Избранные произведения XVI – начала XIX в. – Минск: Изд-во Акад. наук БССР, 1962.
5. Коялович М. Литовская церковная уния. – СПб.: Тип. Н.Тихмеева, 1859. – Т. 1.
6. Литвин М. О нравах татар, литовцев и москвитян // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемый Николаем Калачовым. – М.: Тип. А.Семена, 1854. – Кн. 2, вторая половина. – Отд. V.

7. Мараш Я.Н. Ватикан и католическая церковь в Белоруссии (1569 – 1795). – Минск: Выш. школа, 1971.
8. Очерки истории философской и социологической мысли Белоруссии (до 1917 г.). – Минск: Наука и техника, 1973.
9. Падокшын С.А. Філасофская думка эпохі Адраджэння ў Беларусі: Ад Францыска Скарыны да Сімяона Полацкага. – Мінск: Навука і тэхніка, 1990.
10. Подокшин С.А. Франциск Скорина. – М.: Мысль, 1981.
11. Полное собрание русских летописей. – М.: Наука, 1975. –Т. 32.
12. Помнікі старажытнай беларускай пісьменнасці. – Мінск: Навука і тэхніка, 1975.
13. Прадмовы і пасляслоўі паслядоўнікаў Францыска Скарыны / Уклад., уступ. арт. і камент. У.Г.Кароткага. – Мінск: Навука і тэхніка, 1991.
14. Саверчанка І.В. Старажытная паэзія Беларусі: XVI – першая палова XVII ст. – Мінск: Навука і тэхніка, 1992.
15. Саверчанка І.В. Сымон Будны – гуманіст і рэфарматар. – Мінск: Універсітэцкае, 1993.
16. Сокол С.Ф. Политическая и правовая мысль в Белоруссии XVI – первой половины XVII в. – Минск: Наука и техника, 1984.
17. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588: Тэксты. Давед. Камент. / Беларус. Сав. Энцыкл.; Рэдкал.: І.П.Шамякін (гал. рэд.) і інш. – Мінск: БелСЭ, 1989.
18. Хрэстаматыя па старажытнай беларускай літаратуры / Склаў А.Ф.Коршунаў. – Мінск: Дзяржаўнае вуч.-пед. выд-ва Міністэрства Асветы БССР, 1959.
19. Literatura arianska w Polsce XVI wieku. Antologia. – Warszawa: Książka i wiedza, 1959.
20. Skarga P. Kazania sejmowe. – Warszawa, 1912.